

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ

УДК 316.4

DOI 10.23683/2227-8656.2017.6.26

**ВОСПРОИЗВОДСТВО
ЭТНИЧЕСКИХ ПАТТЕРНОВ
ПОВЕДЕНИЯ В СЕМЕЙНОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
И ИХ ПОТЕНЦИАЛ
В КОНСТРУИРОВАНИИ
ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ
(НА ЭМПИРИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛАХ ЮГА
РОССИИ)¹**

**REPRODUCTION OF ETHNIC
PATTERNS OF BEHAVIOUR
IN FAMILY SOCIALIZATION
AND THEIR POTENTIAL
IN DESIGNING OF CIVIC
CONSCIOUSNESS
(ON THE EMPIRIC
MATERIALS OF THE SOUTH
OF RUSSIA)²**

Панфилова Юлия Сергеевна
Преподаватель Института социологии
и регионоведения
Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: panfilovajulia@mail.ru

Yulia S. Panfilova
Lecturer of the Institute of Sociology
and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: panfilovajulia@mail.ru

Цель настоящей статьи – выявить степень
воспроизводства этнических паттернов по-

The purpose of this article is to reveal extent
of reproduction of ethnic patterns of behavior

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

² This article was financially supported by the grant of the Russian Foundation for Humanities No. 16-03-00545 "Institutional practice in interethnic and interreligious cooperation in the South of Russia: the interdisciplinary analysis and evaluation of potential use in the strengthening of Russian national identity".

ведения в зависимости от традиционного или модернизационного типа семейной социализации и проанализировать их потенциал в формировании гражданственности. Основываясь на результатах ряда социологических исследований, автор приходит к выводу, что в условиях повсеместного распространения массовой культуры, городского индивидуализированного образа жизни и новых норм домашнего быта семья на практике далеко не всегда успешно выполняет функцию хранителя и транслятора элементов этнической культуры, что проявляется в снижении степени воспроизводства этнических паттернов поведения. В то же время в регионах, где силен вектор архаизации семейных отношений и преобладает традиционный тип социализации, семья все еще остается основным агентом передачи этнокультурных установок и норм и воспроизводит преимущественно локальную идентичность, оставаясь при этом включенной слабо в процесс конструирования гражданственности.

Ключевые слова: этнические паттерны поведения, этнокультурные установки, традиционные ценности, семья, традиционный и модернизационный типы социализации, конструирование гражданственности.

depending on traditional or modernization type of family socialization and to analyze their potential in formation of civic consciousness. Based on results of a number of social researches, the author comes to a conclusion that in terms of the ubiquity of mass culture, urban individualized lifestyle urban individualized lifestyle the family not always successfully performs function of the keeper and the translator of elements of ethnic culture that is shown in decrease in extent of reproduction of ethnic patterns of behavior. At the same time in regions where the vector of an arkhazation of the family relations is strong and the traditional type of socialization prevails, the family still remains the main agent of transfer of ethnocultural attitudes and norms and reproduces mainly local identity, remaining at the same time the civic consciousness which is poorly included in process of the citizenship construction.

Keywords: ethnic patterns of behavior, ethno-cultural attitudes, traditional values, family, traditional and modernization types of socialization, the construction of civic consciousness.

Постановка проблемы

Сохранение элементов культуры этноса в целях его воспроизводства требует их передачи от поколения к поколению. Индикаторами эффективности трансляции этнической культуры являются степень и характер воспроизводства этнокультурных паттернов поведения [17, с. 18] в повседневных социальных практиках представителями младшего поколения.

Этнические особенности внутрисемейного функционирования в той или иной степени влияют на формирование форм социального реагирования, которые в дальнейшем используются детьми. Между тем степень этого влияния в различных типах семей зачастую неодинакова. К числу факторов, повышающих вероятность воспроизводства детьми этнически окрашенных моделей поведения, ученые относят следующие. Во-первых, это степень урбанизированности территории проживания семьи: если городская семья, где молодое поколение рас-

тет в отрыве от этнокультурной среды, в условиях интенсивного распространения современных норм домашнего быта постепенно утрачивает функцию трансляции этнического самосознания и традиционной культуры, то в сельской местности семья все еще сохраняет и передает многие традиции [1]. Вторым важным фактором является количество поколений, проживающих совместно: многопоколенная семья имеет больше шансов сохранить родной язык и культуру. Тесное общение с прародителями, передача опыта, обмен идеями между поколениями значимы для этнической самоидентификации ребенка. Конечно, каждое следующее поколение, как правило, более ассимилировано. Но если совместно проживают три и более поколений, вероятность воспроизводства этнических паттернов поведения возрастает [2, с. 201]. В третьих, нельзя исключать характер организации семейного воспитания: если в партикуляристском типе семей, построенных на индивидуальном начале, в основе воспитания лежат личная ответственность и умение полагаться только на себя, то в патриархальных семьях «власть домашнего очага», как утверждают исследователи, в значительной степени определяет жизненные и поведенческие стратегии младших поколений [3, с. 130–131]. И, наконец, на характер воспроизводства этнических моделей поведения влияют восприятие и эмоциональное переживание членами семьи этнических характеристик: родители и родственники являются важными референтными группами для ребенка в его этническом самоопределении, и если ими негативно переживается их собственная этническая идентичность, то вероятность трансляции этнокультуры и паттернов поведения детям значительно снижается.

Степень проявления перечисленных факторов позволяет говорить о реализации в современной семье двух типов социализации: традиционного и модернизационного [4]. В рамках традиционного типа социализации этнокультурные нормы и регуляторы продолжают во многом определять модели поведения младших поколений. Данный тип социализации реализуется чаще в многопоколенных патриархальных семьях, проживающих преимущественно в сельской местности. Модернизационный тип социализации отличается сниженным воспроизводством этнокультурных ценностей и наблюдается преимущественно в нуклеарных эгалитарных семьях, построенных на индивидуальном начале, живущих как в городской, так и сельской местности. Безусловно, данные типы этнокультурной социализации в чистом виде встречаются редко, поэтому на практике следует говорить о промежуточных типах с преобладанием той или иной группы черт.

Доминирование того или иного типа социализации позволяет судить о том, насколько сохранила или утратила семья функцию хранильницы и транслятора этнокультурных ценностей, индикатором чего выступает воспроизводство этнических паттернов поведения. В этом отношении представляется интересным исследование ситуации на Юге России, где, с одной стороны, еще силен вектор архаизации семейных отношений, а с другой – проявляются тенденции индивидуализации.

**Воспроизводство этнических паттернов поведения:
потенциал традиционного и модернизационного типов
семейной социализации**

Анализ результатов статистических и социологических данных показывает, что традиционный тип этнической социализации преобладает в республиканском секторе Юга России, модернизационный, напротив, чаще проявляется в регионах с преобладанием русского населения, в первую очередь в современных формах семейного и гендерного взаимодействия. Статистика рождаемости и разводов в южно-российских регионах подтверждает, что в этнических республиках сохраняется традиционный взгляд на состав и функции семьи: в Дагестане, Ингушетии и Кабардино-Балкарии показатель числа разводов на 1000 населения в год не превышает 2,9, в то время как в Ростовской, Астраханской областях и Краснодарском крае составляет 4,2 и выше [5]. В свою очередь, число родившихся на 1000 чел. в этнических республиках превышает аналогичные показатели в соседних традиционно русских субъектах на 20–50 % [6]; здесь же все еще остаются достаточно многочисленными расширенные многопоколенные семьи.

Л.В. Клименко отмечает, что этнические традиции в культурах народов Северного Кавказа, несмотря на произошедшие с начала 90-х гг. политические, экономические и социальные перемены, в значительной степени влияют на современные модели поведения, и в первую очередь это проявляется в семейно-брачной сфере. Данные, полученные ею в ходе проведения опроса в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов (2014 г.), показывают, что основное большинство мужчин Юга России ориентированы на традиционный гендерный дисплей, выражающийся в иерархии гендерных статусов и межполовом разделении труда. Анализ мнений об оптимальном соотношении работы по дому показывает, что ею традиционно занимаются женщины. Тем не менее прослеживается тенденция убывания выраженности гендерного разделения труда от Ингушетии (наибольшая

выраженность) к Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии (средняя степень) и к Ростовской области (меньшая степень) [7, с. 369].

Воспроизводство традиционных этнических моделей семейных взаимоотношений фиксируется также через мнения о том, кто должен быть главой семьи. Результаты опроса показали, что если в Ростовской области этнокультурная установка на признание лидерства в семье по возрастным и половым характеристикам в большей степени уже утратила свою актуальность, то по всем северокавказским республикам прослеживается увеличение количества респондентов, которые статус главы семьи определяют исходя из возраста и пола [7, с. 215]. Процент указаний на равноправие в сфере принятия решений также наиболее высок в Ростовской области (треть опрошенных); и только каждая десятая ингушская женщина отмечает свое главенство.

В отношении презентации маскулинности и феминности, как показано в работе Л.В. Клименко, жители северокавказских республик чаще воспроизводят традиционные для их культур представления, остающиеся практически неизменными на протяжении многих лет. Так, для респондентов из Ингушетии конструкт маскулинности чаще всего подразумевает смелость и решительность. Для жителей Кабардино-Балкарии – благородство, порядочность. При этом для опрошенных из Ростовской области эти качества уходят на второй план, уступив уму и образованности. В конструкт феминности мужчины из этнических республик чаще включают нежность и ласковость, добропорядочность и моральные принципы [8, с. 136–138].

Уважение старших и признание их лидерства как традиционная этнокультурная установка значительно выше воспроизводится в республиканском секторе: согласие с доминированием в семье старшего мужчины (как правило, свекра) высказали от 31,6 до 42,9 % жителей северокавказских республик; в Ростовской области этот показатель составил лишь 4,3 %. Около 80 % респондентов рассматриваемых северокавказских республик отмечают, что младшие в семье подчиняются старшим во всех ситуациях [7, с. 221], и только каждый третий в Ростовской области разделяет подобную точку зрения. Традиция, согласно которой родители и дети не сидят за одним столом во время трапезы, чаще всего соблюдается в Ингушетии (61,1 % мужчин и 48,3 % женщин придерживаются этой нормы традиционного этикета). В КБР эта норма воспроизводится несколько реже (48,5 % мужчин и 37,9 % женщин) [7, с. 218–219].

Степень воспроизводства этнических паттернов добрачного поведения в этнических республиках, несмотря на определенную деформа-

цию, остается выше, чем в «русских» регионах (опрос студентов вузов СКФО, 2014 г.). Мнение членов семьи при выборе будущего супруга остается важным для молодежи, представляющей дагестанские и кабардино-балкарские этносы (65,3 и 58,3 % соответственно); в то же время среди адыгейцев и осетин противоположные точки зрения по данному вопросу в общей структуре ответов практически равны (53,3 и 50,8 % соответственно). Русские студенты только в трети случаев будут полагаться на мнение семьи при выборе брачного партнера [9, с. 86].

На начальном этапе создания семьи этнические традиции и нормы также воспроизводятся по-разному. Так, большинство жителей Республики Ингушетии ориентированы на выбор религиозного обряда при вступлении в брак (60 %) или регистрируются в органах ЗАГС с соблюдением этнорелигиозных традиций. В то же время в Кабардино-Балкарии преобладают установки на совмещении светских и религиозных традиций. В Ростовской области треть респондентов совмещали светские и религиозные традиции, еще столько же выбрали обычную регистрацию, а пятая доля предпочла фактический брак [7, с. 215].

Традиционная для большинства народов Северного Кавказа установка на многодетность в настоящее время подвергается либерализации: согласно данным опроса, проведенного в Республике Дагестан (2013 г.), каждый второй из массива опрошенной студенческой молодежи планирует иметь не более трех детей, и только каждый четвертый говорит о четырех и более [10, с. 61]. И хотя по сравнению с общероссийскими данными о репродуктивных установках эти показатели являются достаточно высокими, для Дагестана, народы которого традиционно имели многодетные семьи, он несколько снизился.

Что касается востребованности в повседневной жизни элементов материально-бытовой культуры, то следует признать, что из повседневных практик их использование постепенно уходит в обрядово-праздничную культуру. И если национальная кухня все еще сохраняет достаточно прочные позиции в будничном рационе большинства северокавказских и отчасти русского этноса [11], то воспроизводство этнических традиций через одежду и внешний облик в повседневной жизни уже практически не поддерживается подавляющим большинством опрошенной молодежи Юга России [7, с. 266].

Эмпирические данные позволяют констатировать, что этнически окрашенные модели поведения в повседневной жизни этносов Юга России имеют различную степень представленности: если в республиках семейные и гендерные ролевые модели, нормы и правила этикета, установки на брачность и репродуктивность все еще в значительной

степени детерминированы традиционными этнокультурными ценностями, то в субъектах с преобладанием русского населения данные тенденции в целом практически не актуальны. Таким образом, в республиканском сегменте семья все еще сохраняет и транслирует этническую культуру и традиционные модели социализации, а в традиционно русском сегменте в ситуации повсеместного распространения массовой индустриально-городской культуры данная функция постепенно сходит на нет.

Роль традиционной семьи в процессе конструирования гражданской идентичности

В свою очередь, данный вывод приводит к вопросу: насколько традиционная семья, оставаясь значимым агентом социализации и трансляции ценностей этнической культуры, выполняет функцию по воспитанию гражданина или, иными словами, конструированию гражданственности (характеризуемую такими чертами, как субъектность, активная жизненная позиция, свобода индивидуального выбора, социальная ответственность [12, с. 54])? Анализ научной литературы показал, что специальных исследований, посвященных выявлению потенциала традиционной семьи в формировании общесоциальных гражданских ценностей, на сегодняшний день не проводилось. В то же время отдельные результаты опросов, проведенных в последние годы в этнических республиках, позволяют сделать ряд интересных выводов.

Исследование идентификационных моделей студенческой молодежи Северного Кавказа (2015 г.) показало, что представления опрошенных о гражданственности сводятся в основном к пассивным признакам («любить», «уважать», «ценить»); при этом поведенческая установка («готовность») представлена в два раза реже [13, с. 39]. Возможность самореализации как выражение субъектности актуальна лишь для четверти респондентов, уступая место таким параметрам, как карьера, материальный достаток, семья и друзья. В перечне проблем общества, вызывающих обеспокоенность респондентов, общегражданские занимают нижние места [13, с. 38]. Эти данные позволяют говорить о низком уровне социальной активности достаточно широкой части молодежи республик, что может объясняться в том числе и патриархальностью семейных отношений, традицией подчинения мнению старших членов семьи, что в определенной степени подавляет инициативность.

Этнической нормой мужского поведения в традиционных этнических культурах республик Северного Кавказа считается, как было отмечено выше, проявление мужественности и смелости. «Будь джи-

гитом», – говорят ребенку в семье, и это подразумевает: «Будь сильным, храбрым, защищай и люби родину». В то же время отношение к службе в Вооруженных силах РФ в этнических республиках Северного Кавказа является неоднозначным. Так, по данным ВЦИОМ (2015 г.), во всех субъектах СКФО (кроме Ставропольского края, не вошедшего в выборку исследования) 32 % мужчин не считают для себя важным прохождение срочной службы (наиболее высок данный показатель в Чеченской Республике и Ингушетии). В числе факторов привлекательности срочной службы в рядах российской армии традиционные представления о долге и мужественности занимают лишь пятое место, уступая стремлению к трудоустройству за пределами региона, получению должности в правоохранительных, государственных органах или вооруженных силах [14].

Само понятие «родина» в сознании молодежи национальных республик также неоднозначно. Результаты исследований показывают доминирование в ее социально-территориальной идентичности регионального компонента: у большинства респондентов родина ассоциируется с республикой, на территории которой они выросли (исключение составляют Ставропольский край и Ингушетия) [15, с. 120], и именно с данными территориями молодые люди связывают свою будущую жизнь (хотели бы жить и работать в будущем 48,1 % в целом по СКФО) (2013 г., руководитель проекта В.А. Тишков). Сравнительный анализ социально-территориальной идентичности абитуриентов вузов Ростовской области и Кабардино-Балкарии подтверждает большую значимость локальных идентичностей для молодежи КБР (чувствуют связь с регионом проживания 87,7 %, связь с населенным пунктом проживания – 88,9 %) (2016 г., руководитель проекта Ю.Г. Волков) [15].

Одним из признаков развитой гражданской культуры является ориентация на закон как норму, обеспечивающую стабильную организацию общества. Между тем, как показывают эмпирические данные, молодежь этнических республик чаще, чем в традиционно русских регионах, воспринимает закон как традицию, которой следуют по привычке (13,5 % в Ростовской области против 27,7 % в Кабардино-Балкарии), что соответствует традиции адатного (обычного) права [15].

Вышесказанное не позволяет говорить о широком распространении гражданских практик как способа самореализации и паттернов поведения молодежи этнических республик Юга России, что косвенно свидетельствует о достаточно низком потенциале традиционной семьи в конструировании гражданственности. В то же время следует отме-

титель, что более аргументированное подтверждение данного вывода требует проведения специальных исследований.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в условиях повсеместного распространения массовой культуры, городского индивидуализированного образа жизни и новых норм домашнего быта семья на практике далеко не всегда успешно выполняет функцию хранителя и транслятора элементов этнической культуры, что проявляется в снижении степени воспроизводства этнических паттернов поведения. В то же время в регионах, где силен вектор архаизации семейных отношений и преобладает традиционный тип социализации, семья все еще остается основным агентом передачи этнокультурных установок и норм и воспроизводит преимущественно локальную идентичность, оставаясь включенной слабо в процесс конструирования гражданственности.

Литература

References

1. Королева Н.Е., Саханова Ф.Х. Роль семьи в сохранении национальных традиций в контексте социально-культурной модернизации [Электронный ресурс] // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2015. № 1 (64). URL: <http://grazit.ru/socialno-ekonomicheskie-i-tehnicheskie-sistemi-issledovanie-p.html?page=16> (дата обращения: 30.07.2017).
2. Благовская Е.В., Хабарова Е.В. Формирование этнической идентичности детей в алтайских семьях // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53.
3. Верещagina А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009. 264 с.
4. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). 2-е изд. Ростов н/Д., 2001.
5. Число разводов в расчете на 1000 населения за год [Электронный ресурс] // ЕМИСС государственная статистика: официальный сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31268> (дата обращения: 28.07.2017).
6. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс] // ЕМИСС государственная статистика: официальный сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31268> (дата обращения: 28.07.2017).

ской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/isswww.exe/stg/d1/04-06.htm (дата обращения: 28.07.2017).

7. *Клименко Л.В.* Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение : дис. ... д-ра социол. наук. Майкоп, 2015. 369 с.

8. Гендерные репрезентации в ситуации этнокультурного многообразия южнороссийского региона / под науч. ред. Н.Л. Виноградовой, Е.Ю. Леонтьевой; ВолгГТУ. Волгоград, 2015. 156 с.

9. *Легенина Т.Б.* Место и роль семьи на Северном Кавказе: на материалах социологических исследований // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 86–88.

10. *Верещagina А.В., Шахбанова М.М., Шихалиева Д.С.* Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 59–62.

11. *Торосян А.С., Крымукова С.* Национальная кухня кабардинцев и балкарцев [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21328529_36258370.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

12. *Лубский А.В.* Гражданский патриотизм: о совместимости патриотизма и гражданственности в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2017. № 1. С. 42–59.

13. *Паслер О.В.* Идентификационные модели гражданственности студенческой молодежи Северного Кавказа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. С. 36–40.

14. Установки молодежи Северного Кавказа как фактор национальной безопасности [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2016/sev_kavkaz.pdf (дата обращения: 28.09.2017).

15. *Иванова С.Ю.* Духовно-нравственные ориентиры молодежи в полиэтничном регионе // Медиа и межкультурная коммуникация в европейском контексте : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2014. С. 119–121.

siyskoy Federatsii [Elektronnyy resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki: ofitsial'nyy sayt. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/isswww.exe/stg/d1/04-06.htm (data obrashcheniya: 28.07.2017).

7. *Klimenko L.V.* Dinamika sotsietal'noy sfery Yuga Rossii: sotsiokul'turnoe izmerenie : dis. ... d-ra sotsiol. nauk. Maykop, 2015. 369 p.

8. Gendernye reprezentatsii v situatsii etnokul'turnogo mnogoobraziya yuzhno-rossiyskogo regiona / pod nauch. red. N.L. Vinogradovoy, E.Yu. Leont'evoy; VolgGTU. Volgograd, 2015. 156 s.

9. *Legenina T.B.* Mesto i rol' sem'i na Severnom Kavkaze: na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 1. P. 86–88.

10. *Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M., Shikhalieva D.S.* Demograficheskoe povedenie i formirovanie novykh semeynykh tsennostey v ustanovkakh studencheskoy molodezhi // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. № 10-1. P. 59–62.

11. *Torosyan A.S., Krymukova S.* Natsional'naya kukhnya kabardintsev i balkartsev [Elektronnyy resurs]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21328529_36258370.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2017).

12. *Lubsky A.V.* Grazhdanskiy patriotizm: o sovместimosti patriotizma i grazhdanstvennosti v rossiyskom obshchestve // Gumanitariy Yuga Rossii. 2017. № 1. P. 42–59.

13. *Pasler O.V.* Identifikatsionnye modeli grazhdanstvennosti studencheskoy molodezhi Severnogo Kavkaza // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 22. P. 36–40.

14. Ustanovki molodezhi Severnogo Kavkaza kak faktor natsional'noy bezopasnosti [Elektronnyy resurs] // VTsIOM: ofitsial'nyy sayt. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2016/sev_kavkaz.pdf (data obrashcheniya: 28.09.2017).

15. *Ivanova S.Yu.* Dukhovno-nravstvennye orientiry molodezhi v polietnichnom regione // Media i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v evropeyskom kontekste : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Stavropol' : Severo-Kavkazskiy federal'nyy universitet, 2014. P. 119–121.

16. Конструирование общероссийской идентичности в контексте межэтнического и межрелигиозного взаимодействия / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. 244 с.

17. Лубский А.В. Методология социального исследования. М. : ИНФРА-М, 2017.

16. Konstruivovanie obshcherossiyskoy identichnosti v kontekste mezhetnicheskogo i mezhreligioznogo vzaimodeystviya / отв. red. Yu.G. Volkov. Rostov n/D. : Fond nauki i obrazovaniya, 2016. 244 s.

17. Lubskij A.V. Metodologija social'nogo issledovanija. M. : INFRA-M, 2017.

Поступила в редакцию

31 октября 2017 г.